

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Титовой Елены Викторовны, представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему: «Правомерное поведение в российском конституционном праве», по специальности 12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право в диссертационный совет Д. 212.298. 19 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Актуальность темы и решаемых в диссертации Е. В. Титовой задач подтверждается приведенными автором исследования обоснованными доводами о важности научно-юридического осмысления механизма стимулирования и поддержки надлежащего выполнения всеобщей обязанности соблюдения Конституции РФ, и наличием в отечественной конституционно-правовой науке значительного доктринального пробела в плане комплексного осмысления институциональных критериев, форм и особенностей правомерного поведения, в том числе, обусловленного следствиями цифровизации и технологизации общественных отношений (с 5 автореферата). Восполнение такого пробела может претендовать на значение вклада в совершенствование теории и практики российского конституционализма (с. 8 автореферата).

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, представленных в диссертационной работе Е. В. Титовой, подтверждается, в том числе:

а) доктринальным и компаративистским анализом тематически связанного комплекса источников, включая Конституцию РФ, акты Конституционного Суда РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, отечественные и зарубежные монографии и научные публикации, тематически профильные диссертации, информационные,

аналитические, статистические и иные материалы, в том числе на иностранном языке, электронные ресурсы;

б) обширной исходной нормативной и информационно-эмпирической основой – совокупностью отображенных в названных выше источниках конституционно значимых фактов, конституционно-правовых отношений и связей, доктринальных обоснований и научных идей, раскрывающих природу, критерии и классификации правомерного поведения в его конституционно-правовом выражении и значении;

в) комплексной методологической основой, образующей систему общенаучных и специально-юридических подходов и приемов научного познания, позволяющих углубляться в природу и продуктивно анализировать конституционно-правомерное поведение как целостное и сложное явление, в его связи с иными элементами конституционного правопорядка;

г) апробированием выносимых на защиту научных положений, выводов и рекомендаций, проведенным диссертантом с учетом нормативно определенных требований.

Тем самым, диссертация Е. В. Титовой является комплексным, выполненным на основе взвешенной методологии, решением **научной задачи** концептуально-теоретической разработки конституционной теории правомерного поведения в контексте общего требования надлежащего исполнения Конституции РФ и ответственного демократического участия каждого в осуществлении народовластия через публично-властные и общественные институты.

Содержание представленной диссертации Е. В. Титовой позволяет говорить об элементах **научной новизны** авторского подхода к конституционно-теоретическому осмыслению феномена правомерного поведения, а также **личного вклада соискателя** в развитие науки конституционного права, призванной содействовать воплощению нормативных положений конституционных конструкций в социально-политический контекст и реалии российской государственности.

Для подтверждения вышесказанного можно сослаться на следующие положения и элементы диссертационного исследования Е. В. Титовой:

1. Методологически убедительным и системно-содержательным образом в исследовании проведено доктринальное обоснование связи новелл Конституции РФ (ст. 75.1) с возможностью укрепления доверия и роста позитивной ответственности как мотивационной составляющей и средства обеспечения правомерного поведения в широком спектре конституционно-правовых (государственных и общественных) отношений и институтов (с. 12, 19, 41 автореферата; с. 16, 113–114, 311–312, 389–390 диссертации);

2. Исходя из признанных критериев и стандартов научности, обоснованным и продуктивным видится сформулированное в диссертации – на основе анализа и обобщений заявленных доктринальных положений – представление о конституционной психологии как междисциплинарном направлении осмысления и институционального обособления теории и практики правомерного поведения в конституционном государстве, а также о значении этого направления для развития теории конституционного мировоззрения и правосознания (с. 12, 18, 34–35 автореферата; с. 12, 16, 25, 191–199, 213–216 диссертации);

3. Отдельного внимания заслуживают выработанные автором диссертации классификационные критерии и сводная характеристика правомерного поведения в сфере конституционного права в узком смысле, включая «специализированные активные» формы демократического и общественно-гражданского участия (с. 13–14, 25 автореферата; с. 8, 18–19, 50–56, 244–245, 387–388 диссертации);

4. Представляют несомненный научный интерес для последующего доктринального развития и разработки суждения и доводы соискателя о конституционно-правомерном поведении как форме (способе) легитимации публичной власти и ее установлений, воплощении необходимого минимума общественно-политического доверия (с. 14–15 автореферата; с. 18–19, 55–56 диссертации);

5. Следует отметить и поддержать корректно соотнесенные с легитимной конституционной доктриной доводы диссертанта о необходимости для России идеологии (политико-правовой доктрины), которая, будучи укорененной в общественном (народном) сознании национальной идеей, проявлялась бы во внутренней готовности демократического большинства к принятию конституционных образцов правомерного поведения, образуя, тем самым, основу консолидации общества, ценностного целеполагания и выступая эффективным средством социального контроля над публичной властью (с. 15–16 автореферата, с. 21–22, 139–142, 147, 162, 203–208 диссертации);

6. Достаточно продуктивной в теоретическом и практическом отношении видится нам предложенная автором диссертации конструкция механизма конституционно-правового целеполагания, субъектно-личностной ориентации, имплицитно включающей идеологические и политические установки, национальные идеи, социальные ожидания и культурно-исторические ценности общества (с. 15–16, 30–31, 35, 39 автореферата; с. 161–163, 202–209, 291–292 диссертации);

7. Доктринально обоснованными и заслуживающими научного внимания мы находим предложенные в диссертации, дополнительно к существующим, обоснования того, что условиями правомерности непосредственного и опосредованного участия граждан в управлении делами государства являются добросовестность и отсутствие злоупотреблений соответствующим конституционным правом (с. 17–18 автореферата; с. 24–25, 390–391 диссертации);

8. Несомненно вызовет научный интерес и послужит материалом последующих доктринальных изысканий и дискуссий предложенное диссертантом разделение и содержательная характеристика таких «форм правомерного поведения в российском конституционном праве» как «общественное участие» и «гражданское участие». В профильных обоснованиях диссертанта заслуживают внимания отдельные доводы о

связанности реального общественного участия как публично значимого поведения конституционными ценностями солидарности, единения и сотрудничества и о гражданском участии как социальной активности неполитического характера, реализуемой преимущественно посредством самоорганизации, под личную ответственность, направленную на удовлетворение социально значимых интересов и потребностей, утверждение ценности общего блага (с. 18, 37–40 автореферата; с. 24–25, 246–255, 277–285, 288–301, 391–392 диссертации);

9. Предложенная диссертантом эксплицитная характеристика заявленного в литературе концепта конструктивного (правомерного) политического протеста как элемента политико-правовой культуры (с. 18–19 автореферата; с. 25–26, 194–195, 335–343 диссертации), достаточно корректно, как нам представляется, соотносится с положениями общей теории конституционализации права и может служить основой для дальнейших продуктивных разработок, выводов и рекомендаций по совершенствованию профильного механизма правового воздействия;

10. Содержательно целостной и во многом убедительной является предложенная соискателем тематически обоснованная композиционная характеристика связи правомерного политического участия с цифровой и технологической трансформацией конституционно-правовых отношений, а также с достоверно присущими этому процессу позитивными преобразованиями и высоко-рисковыми деструктивными факторами (с. 19, 37–38, 43–44 автореферата; с. 19, 245, 276, 361–384 диссертации).

В диссертационном исследовании Е. В. Титовой можно выделить и другие элементы, имеющие признаки научной новизны, представляющие значение для последующих тематически и предметно близких научных исследований, правотворческой и правоприменительной практики. Вместе с тем, в диссертации усматриваются отдельные методологические и концептуальные недоработки, а также имеют место дискуссионные положения, нуждающиеся в дополнительной аргументации. В частности:

1. К сожалению, для нас осталась не вполне ясной формулировка предмета диссертационного исследования в плане логического следования, что конституционно-правовые нормы и принципы могут быть «результатом реализации конституционного правомерного поведения» (с. 8 автореферата, с. 11 диссертации). Единственным вариантом такого рода деятельности мы согласны признать «правомерное правотворчество» (с. 31 автореферата; с. 156–157 диссертации), причем исходя из общей презумпции его конституционности. Однако и такое «творчество» предполагает, прежде всего, следование конституционным установлениям и принципам и, только в особых случаях, их актуальную конкретизацию (развитие). При этом мы не нашли в диссертации развернутых подтверждений предметной фокусировки на «результатах правомерного поведения». Во всяком случае, хотелось бы услышать от соискателя соответствующие разъяснения в ходе публичной защиты. В том числе, о сути «материализованных в реальной действительности правомочий, составляющих содержание норм Конституции России» (с. 26 автореферата, с. 62 диссертации).

2. Изначально обозначенное намерение диссертанта подходить к анализу правомерного поведения как варианта (разновидности) поведения «правового» (с. 3–6, 9–10, 14, 16–17, 20, 23, 28, 38–39, 43 автореферата, с. 4, 6, 7, 8, 13, 17, 22, 27, 34, 37... 47, 55 и др. диссертации), при том что последнее понятие актуально не соотнесено в работе с признаками конституционного должного, а первое (правомерное) «воплощает в жизнь декларируемые конституционные нормы и ценности» и «детерминировано конституционным правопониманием» (с. 11 автореферата, с. 15 диссертации), – видится нам не последовательным, по сути, и не вполне методологически взвешенным. Из чего, в частности, проистекает не находящая пояснения, периодическая замена в диссертационном тезаурусе и тексте одних понятий и категорий другими, аутентичный смысл которых при доктринально-научном толковании может быть поставлен под сомнение. Прежде всего, это относится к таким «взаимозаменяемым» – по логике диссертанта – понятиям

как «конституционно-правомерное поведение», «правомерное конституционное поведение» и «конституционное правомерное поведение» (с. 3, 8, 24, 26, 33 автореферата; с. 11, 62, 142, 146, 172, 178, 183, 185–189, 208, 300, 386, 389 диссертации). Терминологическая «разногласица» в данном случае критично ущербна. Предикативно определяя (уточняя) конституционное поведение как правомерное мы допускаем тем самым возможность неправомерного конституционного и даже противоправного конституционного поведения, что исключает последующие суждения о конституционном целеполагании, конституционности и конституционализме. Разве «недостаточно», придерживаясь конституционного правопонимания, характеризовать правомерное поведение как конституционное, неправомерное – как неконституционное (злоупотребление правом), и противоправное – как антиконституционное? Позиция соискателя детерминирована амбивалентным стремлением оставаться в рамках номенклатурно-отраслевой трактовки конституционно-правовых отношений, разрабатывая при этом «конституционную отраслевую теорию» или «отраслевую конституционную теорию» правомерного поведения, являющуюся также «научной конституционно-правовой теорией» (с. 8, 9, 11, 12, 18, 23 автореферата; с. 7, 15, 11, 24, 37, 98 диссертации). Избежать онтологической идентификации права применительно к задачам такого уровня, на наш взгляд, вряд ли возможно без принципиальных упущений.

3. Методологическая неопределенность (открытая или «латентная») в теоретико-правовых изысканиях чревата эклектикой. Аннотация «комплексной» методологии диссертации (с. 9–10 автореферата; с. 12–13 диссертации) отмечена признаками таких проявлений в стилистике «европейничанья» (Н. Я. Данилевский). Например, мы не находим убедительных пояснений, почему взаимодействие человека, общества и государства на конституционно-правовом уровне следует рассматривать именно «с позиции постнеклассической рациональности»? Почему из синтетического арсенала отечественной философско-конституционной

методологии исключительного признания удостоилась только конституционная антропология, а не конституционная аксиология, конституционная феноменология, конституционная герменевтика, конституционная деонтология и другие комплементарные спецификации того самого конституционного правопонимания, на котором базируется «новый подход» автора диссертации (с. 9, 11 автореферата; с. 12–13 диссертации)? Что позволит науке права, видящей правомерное поведение как «субъективный элемент автономной метасоциальной реальности» (с. 10 автореферата, с. 13, 124, 137 диссертации), содействовать необходимому проникновению актуальных смыслов и требований в коммуникативные акты, кроме взвешенных отсылок к тексту Конституции РФ и к легитимным (а не «человеческим») интерпретациям неотчуждаемых прав, свобод и обязанностей личности? И – если ничего более – в чём тогда состоит оригинальность достижений постмодернистской «коммуникативной концепции права» (с. 10 автореферата, с. 13, 124, 138 диссертации)? На наш взгляд, эти и подобные вопросы носят не риторический характер, и диссертант в рамках публичной защиты могла бы дать концептуально-обобщенные ответы на них.

4. Структурный анализ предложенной соискателем элементарной композиции «отраслевой конституционной теории правомерного поведения» обнаруживает, по нашему мнению, терминологически-некорректное дублирование элементов, обозначенных, соответственно, в формулировках пунктов «б» и «д» первого положения, выносимого на защиту (с. 12–13 автореферата; с. 17, 119 диссертации). Полагаем, в рамках публичной защиты следует пояснить, чем надлежащая реализация (осуществление) конституционных прав и свобод отличается от индивидуального и коллективного (совместного) участия в налаживании и осуществлении взаимодействия человека, общества и государства. Поскольку даже вероятная дополнительная отсылка к критериям общего и особенного не оправдывает отступлений от правил построения доктринальной дефиниции.

5. Не достаточно последовательным видится нам переход в диссертации к анализу и использованию титульного понятия «правомерное поведение в сфере конституционного права» (с. 13 – 14 автореферата; с. 18–19, 50–51 диссертации), как очевидно затрагивающего проблематику предметно-отраслевой идентичности. Соискатель справедливо признает, что соответствующую сферу («пространство») представляют «как властеотношения, так и невластные отношения в обществе», как практики «осуществления публичной власти», так и «гражданские», «не связанные с властными полномочиями». На языке конституционной теории права это выражается в представлении о конституционном значении и необходимой конституционности отношений и деяний публично-правового, частноправового и публично-частного характера. Однако подобное восприятие диктует выход за рамки обозначенного формата «политического участия» (включая его политические эффекты и следствия).

6. Не до конца проработанной видится нам идея разделения конституционных ценностей на две категории: «определяющих общественное восприятие» и ценности «как контуры правомерного поведения» (с. 16 автореферата; с. 22 диссертации). Из предложенных доводов и примеров трудно представить поведение без предварительного «восприятия» его целей, или понять, чем «контуры правомерного» отличаются от границ дозволенного. И хотя мы не намерены ставить под сомнение важность научных классификаций, но сама по себе отсылка к свободе слова, в данном случае, не убедительна. Свобода слова имеет значение конституционной ценности постольку и в той мере, в какой мы признаем («ответственно воспринимаем») ее конституционную сущность и руководствуемся, пользуясь этой свободой, ее актуализированным (доктринально и нормативно определенным) содержанием. В противном случае, свобода слова может «деградировать» до уровня антиценности и угрозы конституционному правопорядку, что, к сожалению, не редкость.

7. Анализируя проявления конституционно-правомерного поведения, автор диссертации уклоняется от общетеоретических критериев дифференциации (мера общественного значения, степень активности, форма проявления и др.). Между тем, в контексте исследования соответствующие различия имеют важное практическое значение. Не случайно, например, Конституционный Суд РФ оперирует понятием непротивоправного поведения. Вместе с тем, для целей конституционной идентификации и признания далеко не всякое правомерное поведение «должно» отвечать всем (четырем) выделенным признакам (с. 14 автореферата; с 19, 55–56, диссертации). В противном случае потеря ли бы актуальность такие конституционные элементы как принцип презумпции невиновности, презумпция добросовестности, право на неотъемлемое человеческое достоинство. Заметим также, что по каждому из предложенных диссертантом критериев могут быть поставлены отдельные вопросы. В частности: 1. не раскрытым остается механизм «добровольного принятия индивидом ограничений в пользу общества и государства (самоограничения)». 2. при выборе модели поведения правообладатель может столкнуться с несколькими нормативными моделями, содержащими различные композиции конституционно значимых ценностей (инвариантность правопользования). 3. бездействие, как известно, может быть формой реализации права, однако сопутствующие отсылки к «чувствам патриотизма и гражданственности» как целевым ориентирам развития современного российского конституционализма (с. 14, 16, 27 автореферата; с. 18–19, 22–23, 49–50 диссертации) разумнее «оставить» для конституционной теории правосознания. Иначе, например, намечается амбивалентная гипотеза патриотического правового бездействия, «основанного на принятии и учете исторического опыта» страны, поскольку бездействие также «является формой конституционно-правового поведения». Однако конституционное участие противопоставляется неучастию или уклонению от участия (с. 14, 31, 38 автореферата; с. 18, 156 диссертации). В целом, тем самым, выносимые на

защиту положения (четвертое и пятое) представляются нуждающимися в содержательной доработке, даже с учетом последующих суждений об «уровнях адекватности» правомерного поведения.

8. Основными «видами и формами» конституционно-правомерного поведения диссертант выделяет: участие в управлении делами государства, общественное участие и гражданское участие (с. 13, 15, 26, 27 автореферата; с. 18, 41, 52, 60–61, 245, 287, 387 диссертации). По сути, тем самым, здесь предпринята попытка видовой дифференциации институциональной формы конституционного участия, поскольку контрпродуктивно мыслить саму возможность «неконституционного участия». Однако выраженный акцент на опции «участие» («отличительным особенностям» проявлений которого уделяется значительная часть текста работы) ведет, на наш взгляд, к необоснованному сужению сферы конституционно-личностного самоопределения. Конституционное должное проецируется на все сферы и виды юридически значимых отношений, форматируя модели правомерного поведения: индивидуального и совместного. Которые, в свою очередь, без каких-либо изъятий становятся предметом конституционно-правовых интерпретаций и оценок. Кроме того, придавая «участию», как понятию более узкому по отношению к правомерному поведению (с. 17 автореферата; с. 24 диссертации), «оттенок» одностороннего характера, мы упускаем из виду, что необходимым «соучастником» конституционного (конституционно-правового) поведения всегда выступает государство, если оно «всерьез и ответственно» воспринимает значение и содержание своей основной обязанности в отношении личности, ее прав и свобод (ст. 2 Конституции). Не менее справедливо это и для поведения, выражающего непосредственное конституционное правопользование (ст. 18), в том числе, в трактовке «спонтанного и неформального» общественного участия (с. 249–250 диссертации).

9. Определенными издержками в плане логической последовательности и структурной определенности отмечено предлагаемое разделение

правомерного поведения в номинациях участия «общественного» и «гражданского». Соискатель утверждает, что концепция правомерного поведения, позволяет «снять» существующую неопределенность, исходя из признака, что общественное участие происходит в сфере («поле») отношений властвования («связанных с властью», «направленных на власть»), а гражданское участие – в отношениях, которые касаются в большей степени иных сфер – социальной экономической, культурной. Нам представляется, что предложенный критерий (инвариант дихотомии публичное/частное) сформулирован невнятно и проясняет слишком мало. Так, диссертант разделяет мнение о наличии законодательно неформализованной общественной власти как таковой (в значении конституционного факта) и говорит о ее «присутствии» в, по-видимому, политическом «пространстве», где также «присутствуют» «общество и государственно-властные структуры». Соответственно чему общественное участие характеризуется как «процесс разделения власти» между названными «контрагентами», и, значит, по отношению к обоим уже нечто отдельное. При этом общественное участие называется «динамической составляющей общественной власти», а логическое место «общественного» занимает гражданское общество, структуры которого и взаимодействуют с государством (с. 37–40 автореферата; с 250–255 диссертации). Последнее уточнение, как раз, вполне понятно и наглядно, но как тогда быть с «формой» (институтом) гражданского участия? В данном процессе структуры гражданского общества уже участия не принимают? Кто же тогда создает «механизм саморегулирования с его нормами-самообязательствами и нравственно-ценностными установлениями»? Вряд ли это могут сделать непосредственно граждане, опираясь на положения ст. 13 Конституции РФ и даже ее преамбулы. И, наконец, разве правильно трактовать «горизонтальные» отношения, для которых непосредственно не установлены «юридические нормы и акты применения права», как отношения «неподконтрольные и

неподотчетные государству»? Соотносится ли гипотеза подобных отношений с теорией и практиками реального конституционализма?

Безотносительно к высказанным замечаниям, которые носят, преимущественно, проблемно-дискуссионный характер, мы не ставим под сомнение качество представленной Е. В. Титовой работы в целом, как и возможность ее публичной защиты.

Основные научные результаты диссертации апробированы автором, в том числе, в 23 научных публикациях в рецензируемых научных журналах, официально рекомендованных ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук; в 3 журналах, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования; в 9 монографиях (в том числе, коллективных), а также в других статьях и тезисах докладов на научных конференциях; отражены в автореферате, который соответствует основному содержанию диссертации.

Материалы и выводы диссертации могут использоваться при изучении конституционного права, специальных курсов, посвященных теории и практике юридически значимого поведения в сфере конституционно-правового воздействия, а также учитываться в правотворческой и правоприменительной практике.

Выводы: Диссертация **Титовой Елены Викторовны** на тему «Правомерное поведение в российском конституционном праве» соответствует критериям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, установленным в пунктах 9, 10 Положения о присуждении учёных степеней (в редакции Постановления Правительства РФ от 21.04.2016 № 335). Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное значение для развития отечественной науки конституционного права.

Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку конституционного права. Предложенные автором диссертации решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями.

Титова Елена Викторовна заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

Официальный оппонент по специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

заведующий кафедрой теории права

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет,

доктор юридических наук, профессор

В. И. Крусс

« 05 » мая 2022 г.

170022, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, 22,

ФГБОУ ВО Тверской госуниверситет,

юридический факультет.

т.р. 8 (4822) 700657

t-prava@yandex.ru

Подпись Крусс В.И.
 УДОСТОВЕРЯЮ
 И.о. ученого секретаря Ученого Совета
 Тверского государственного университета
 Медведева О.Н.

Врио ректора Смирнов Сергей Николаевич

